

АЛЕКСЕЙ ЛЫТКИН

ГРУЩИК

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Лыткин

Грущик

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лыткин А. В.

Грущик / А. В. Лыткин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06939-8

Эта книга — попытка автора ответить на два вопроса. Могу ли я побороть своих внутренних демонов и умею ли я писать. Честно, откровенно, искренне. Простая история жизни человека со сложностями. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-06939-8

© Лыткин А. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Пролог

Чем сознательнее становится человек, тем сильнее он задумывается, зачем появился на свет. Рефлексировать на тему бытия люди начинают в разном возрасте, и чем больше находится ответов, тем больше возникает новых вопросов. С приобретением жизненного опыта многие аспекты оседают в разуме, но главная дилемма – смысл жизни – не может не терзать до самых последних дней. Там, где появляется осознание сущего, появляется и мечта. Хорошо, если она простенькая. Купить машину, например. Только есть одна проблема – потенциальный автомобиль ждёт тебя в будущем, а живёшь ты сейчас. И потом, за одним желанием тянутся другие, и ещё, и ещё... Бесконечный бег за грёзами можно было назвать причиной для существования, если бы не размытые временные рамки и конечность результата. Ну копил ты полжизни на этот «Мерседес», купил его, а дальше что? Можно умирать, раз мечта достигнута?

Многие считают, что дети и продолжение рода являются причиной, почему каждый из нас должен жить. Спорить с этим трудно, потому что само по себе понятие «жизнь» подразумевает преемственность. Жизнь обязана рождать новую жизнь, иначе планета вернётся в эпоху динозавров. Но, как и в случае с мечтой, ребёнок – это, говоря геометрическими терминами, отрезок, а не луч. И не стоит забывать, что сын или дочь – плод усилий двух человек, а значит и причина жить получается какая-то половинчатая. Ты учишься, занимаешься саморазвитием, работаешь над красотой своего тела и прочим определённо не только для того, чтобы когда-нибудь встретить личность противоположного пола и настругать с ним мал-мала меньше. Конечно, есть и такие индивиды. Именно среди них большой процент тех, кто не понимает, что за рождением начинается воспитание. Другие люди, забывающие о себе в пользу своих чад, очень быстро стареют духом. Описывается это всё ситуацией, когда человеку, которому не исполнилось и 50 лет, уже ничего не нужно, ведь он родил и воспитал наследника. Снова всплывает риторика – теперь можно собираться на тот свет?

Ещё меньшее доверие к субъектам, которые свято уверены в том, что человек живёт ради того, чтобы умереть. То есть причина жизни лишь в том, что она конечна. Раз уж тебе дали сколько-то лет на Земле – бери и не возникай. Такой взгляд на положение вещей вызывает недоумение, в лучшем случае. Звучит такой бред только как нелепая отговорка для тех, кто с глобальными целями на жизнь ещё не определился. Жизнь – не симулякр и не восхитительно сделанная копия. Жизнь – всегда оригинал. Однако никаких универсальных причин жить нет и быть не может. Локальный же смысл человеческой природы кроется в том, чтобы ощущать себя кому-то нужным. Одним своим существованием скрашивать суровые будни для того, кто рядом с тобой, друга по интересам или родственника. Человек, который постоянно чувствует свою важность для другого себе подобного, самый счастливый на свете. Сейчас, в настоящем. А о том, что будет дальше, знает только Бог. Если он есть.

Согласно этому выводу, вера в который абсолютна, я ещё не жил на этой планете ни дня. Вся моя помощь родным и близким была столь локальной, что есть уверенность: справились бы и без меня. И родителям, и бабушке, в доме которых приходилось обитать, я скорее мешал. Постоянно возиться со мной не входило в их распорядок дня, а стать полностью самостоятельным у меня не получалось. Главным образом из-за моей чудовищной непрактичности в быту. До сих пор картошку чищу по 30 минут. Насчёт отношений даже рассказать, по сути, нечего. Ни у одной женщины я никогда не вызывал симпатию, а о любви даже говорить как-то неприлично. Да и было их – на пальцах одной руки пересчитать. Всю жизнь меня окружали хорошие друзья. Многие из них были для меня первым выбором, чтобы обсудить нечто радикально важное. Я для них таким был очень редко. У всех семьи, подруги, уже жёны... Понимая суть своих проблем, вместо того, чтобы активно с ними бороться, я погрузил часть себя в кокон. Он покрыт жёсткой мембраной, туда никому не добраться. Ему не суждено отягощать моё суще-

ствование, вплоть до мгновения, пока не произойдёт надрыв. В этот момент все мои ужасные воспоминания вылезают наружу, а сознание заполняет ощущение собственной мелочности и ничтожности для этого мира. Именно тогда вновь вспоминаю, что я «поломанный» человек.

Тот день, когда я уверовал в свою атавистичность, стал моментом, когда я обрёл некоторый уровень отважности. Интерпретировать это понятие можно по-разному, но для меня очевидно одно: отвага – это способность поступиться своими ценностями в угоду тем, кто тебе дорог. Говоря иначе, отвага – высшая степень альтруизма. Максимальное проявление человеколюбия, тяга к постижению мироздания. Отдать последние деньги и самому остаться с голой задницей – это про меня. Упоминание слова «отвага» у большинства людей ассоциируется с военными действиями, и недаром. Там людям порой приходится жертвовать не какими-то локальными прелестями вроде времени или драгоценностей, а собственной жизнью. Но быть отважным нужно не только тогда, когда человек рядом с тобой умирает. Им надо быть всегда. Внимательно слушать, вникать в проблемы и помогать их решать – то небольшое, что для этого требуется.

* * *

Смириться со своим бесконечным одиночеством – это страшно. Те люди, которые окружали меня раньше, и те, кто по-прежнему находится рядом... Я постоянно чувствую вину перед ними. Физически они близко, но морально очень далеки. Хотя правильнее будет сказать, что это я от них далёк. И на то есть причина.

Моё прошлое всегда со мной. В нём, конечно, есть и хорошее, что позволяет с улыбкой на лице вспоминать «первую любовь и первый стакан», но больше иного. Того, от чего хочешь избавиться, но не получается. Не выходит.

Аскетичность и замкнутость – это нормальный стиль плавания по течению жизни для многих моих современников различной степени прогрессивности. Но исходные данные изначально неравны, если на тебе постоянный гнёт мерзких, отнюдь не фантазмагорических образов из прошлого. Когда ты мирно, украдкой вспоминаешь о ножах и вилках, воткнутых в человеческую плоть, это говорит о том, что тебе не было страшно даже в те моменты, когда жизнь показывала свою тёмную сторону в прямом эфире. Есть и другое явление – каверзы подознания, приводящие туда, куда никогда не хотелось бы возвращаться. Именно они заставляют меня придумывать себе вторую личность и держать дистанцию с миром.

Катализатором последнего моего яркого путешествия в прошлое стала жена друга. Мать его ребёнка.

Никто не безгрешен, и шумные рассказы о нетрезвых подвигах – не редкость для компаний. «А я такое по пьяни сделал!» – «А я другое учудил!» – «Да замолчите, куда вам до меня, я вообще столько всего натворил, а потом ничего не помнил!». Смешно, весело. Если праздник какой – тем более. Как говорится, грех не выпить. Находясь именно в таком обществе, где торжественно звенели бокалы, чувствуя себя частью одной большой семьи, я однажды захотел провалиться сквозь землю. Не потому что алкоголь превысил во мне нужную дозу, а потому что я увидел женский силуэт прямо из моего 97-го. С полом соприкасается лишь копчик, руки возведены к небу, ноги разведены и прямы, как спички. Вопль: «Снимите с меня сапоги!» – как обязательный атрибут этого «представления». Любой другой человек снисходительно покачал бы головой и помог даме избавиться от оков коварной обуви. На мне же выскочил пот, как после километрового спринта, а сердце будто прижгли раскалённой кочергой. В малознакомой девушке мне почудилась мама, которая ровно так же 20 лет назад валялась и вопила, но немного по иному поводу. Тогда, в годы доминирования группы «Руки вверх!», эта кочерга была для меня в тренде. Сейчас это то, от чего хочется освободиться. И поэтому я всё это пишу.

Глава 1

Фрицы оставили поросят без ужина

*There's a time for the good in life
A time to kill the pain in life
Dream about the sun
You queen of rain*

Под светом лампы в уютной квартире, где моя семья обосновалась в 1959 году, а сам я живу без малого 20 лет, мысли и воспоминания превращаются в строки на листе. И начать рассказ нужно с тех, благодаря кому моя жизнь стала реальностью. Вплоть до момента, когда умер дедушка, мой последний родственник, с которым я жил 16 лет, мне была слабо известна наша родословная. Всегда находились задачи важнее, чем рассказать мальчику, кем были его прабабушки и прадедушки.

Повзрослев же, должного интереса к этому вопросу не проявил я сам. На разных этапах жизни, при тесном общении с роднёй, у меня сложилась лишь общая картина: факты наподобие «прадед воевал, а дед носил ему на фронт обеды» или «когда мама была маленькой, они с родителями ездили в Болгарию».

Эти истории начали «обрастать мясом», когда я понял, что больше нет помех для высвобождения квартиры от горы хлама. Из двухкомнатного помещения площадью 50 квадратных метров было вынесено 100 полных мусорных мешков на 120 литров. Из серии «а вам слабо?». Не вынести, конечно, а накопить. Мой дед смог. После наведения порядка в доме остались фотографии, документы и письма. Почти все из них я держал в руках впервые.

Благодаря им свет пролился на родственников по маминой линии. По линии же отца у меня остались лишь клочки воспоминаний. Когда я познакомился с родителями бати, они были уже в преклонном возрасте. А прабабушек и прадедов мне увидеть не посчастливилось.

Дед Иосиф был героем войны, но рассказать о своих подвигах сам не мог. Вторая мировая отняла у него умение ясно мыслить. Всю жизнь он был психически нездоровым (не буйным, а наоборот, чересчур спокойным). К девяностым всё стало совсем печально: развился тремор, и деменция окончательно поглотила его рассудок.

Два воспоминания о дедушке Йосе отпечатались в памяти ярче других. Как он, собирая остатки сил, несёт ко рту полную ложку с овощным салатом, а доносит совершенно пустую (иногда он просто не подпускал никого к себе, не давал помочь). И как с лютой похмельюги отец получает телеграмму о том, что дед умер. По его щеке бежит слезинка. Не потому, что теперь в его семье меньше на человека, этого можно было ожидать. Причина лишь в том, что нет ни копейки, чтобы поехать на похороны, и занять никто не займёт.

Бабушка Маша пережила деда Иосифа на несколько лет, но её последние годы мне известны только в виде сухих дат. Когда начала хворать, когда серьёзно заболела, когда умерла. Тогда мы не могли общаться, потому что на тот момент отец уже исчез из моей жизни. Связь оборвалась. В памяти не осталось ни одного диалога с бабой Машей. Помню только её ласковый голос, и что она меня очень любила.

А вот родословная по маминой линии для меня теперь почти как открытая книга. Передо мной оказались сотни писем, но нет необходимости их изучать. Чтобы сложить цельную картину, хватило других находок.

Первый человек, до которого я смог «дотянуться» благодаря им, – это прадед Виктор. Он не был моим кровным родственником, но именно ему суждено было начать зарождение семьи. Мой кровный прадед, Михаил, погиб на фронте. Прабабушка Лидия, герой войны, осталась с

сыном на руках. На момент смерти Гитлера ему было 9 лет. С Витей они познакомились уже после фашистской капитуляции. Он тоже был героем ВОВ, да ещё каким! Столько орденов, на груди все не уместить. Медали, открытки, грамоты... Сражался за Ленинград. Но главное, пережитые ужасы не сломили его.

В 1947 году сыграли свадьбу, через какое-то время родился сын Боря, а у моего деда Вовы, помимо свидетельства о рождении, появился ещё один документ. Вот его содержание:

Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР

Отдел актов гражданского состояния

Свидетельство об усыновлении №6

Гражданин Колесников Владимир Михайлович, родившийся в 1936 году 25 числа октября месяца, усыновлён с присвоением ему фамилии Ведищева и отчества Викторовича, о чём в книге записей актов гражданского состояния об усыновлении 13 мая 1947 года произведена соответствующая запись за номером 6.

Внимательные к цифрам читатели сразу найдут несостыковку во времени, но текст воспроизведён точно, без опечаток. Дед появился на свет в 1935 году, просто из-за ошибки в записи до конца жизни проходил с неправильной датой рождения во всех документах (и это была одна из его любимых историй).

Ещё две, которые моментально приходят на ум, связаны с едой. Уже упомянутые обеды, с которыми Володька бегал до окопов, обычно приносились в срок. Хотя дед всегда открешивался от статуса человека, который видел войну, злобно произнося: «Те, кто её видел, уже давно в гробу лежат», – свою функцию доставщика он исполнял добросовестно. Всегда, кроме одного раза.

Мальчугана, уже почти добежавшего до заветной точки, окружила свора собак. Люди голодали семьями, какой разговор о четвероногих. Учув запах еды, стая образовала круг, не дав мальчику ни единой возможности прорваться. Даже в этой патовой ситуации, когда озлобленные животные с угрозой в глазах словно говорили: «Либо ты нам отдаёшь эту кашу, либо мы и тебя с ней съедим», – малец не сдался и попытался отбиться. Ведь тут, недалеко, в километре ходьбы, голодный папка защищает нас от немцев...

Развернулся раунд рукопашного боя. Помимо основной цели – сохранения еды, нельзя было падать, иначе пиши пропало. Когда силы начали покидать мальчика, а рык усилился и стал похож на волчий, он бросил харчи животным. И пока те переключили внимание, побежал обратно, что пятки засверкали. Мама с порога: «Отнёс?». Да, отнёс. Сказать правду он боялся. Всё вскрылось, когда отец, придя домой на отгул, чуть ли не первым делом спросил: «А почему Володя не приходил?». Переживания, само собой, были не о треклятых сухарях, а о жизни сына. «Да я, бать, думал, заругаешь... Я твой обед собакам побросал, загрызть хотели». Реакция – смех и слёзы радости, при ожидании как минимум подзатыльника за невыполнение просьбы. Хотя дед потом долго служил и работал на не самой безопасной должности, в тот момент, по его признанию, с котомкой в руках он был максимально близок к собственной смерти.

Второй любимый рассказ деда был покороче и всегда сопровождался смехом. Когда в деревню пришли немцы, они все как один были зверски голодны. Заходят в землянки, переворачивают всё, женщин изводят. Жестами объясняют свой вопрос: «Где еда?!». А нет ничего. Нашли какое-то плесневелое старое пшено. «Это что такое, надурить нас хотели?» – «Да что вы, солдатики, это ж мы свиньям, не себе». Информация была чистой правдой, но фрицы оставили поросят без ужина. Всё съели и ухом не повели. Когда дед рассказывал эту историю, я резонно спросил, почему было не зарезать какую-то живность и нормально полакомиться. Ответ был очевиден – мало времени, войскам при смене дислокации было не до пиршеств.

Война закончилась, прабабушка и прадед поженились, после чего уехали жить на Север. В маленький посёлок городского типа в Ростовской области с красочным названием Зерноград мои предки переселились в 1959 году. Молодой Володя (которому ещё только предстояло стать моим дедом через множество лет) в то время уже служил на границе с Финляндией, поэтому семья была из трёх человек.

* * *

Мой прадед был из тех, про кого говорят «на все руки мастер». Он многое умел и обладал массой знаний, которые помогли ему не только на работе, но и в быту. Арсенал насчитывал кучу научных статей, некоторые из которых сохранились до наших дней в домашнем архиве. Также он работал на машиноиспытательной станции в годы её расцвета, куда со временем подтянул и жену, и сына. А ещё занимался строительством и планировкой местности. В том числе, благодаря ему, согласно документам, в городе поставили первый светофор. К слову, сейчас их едва ли больше двадцати.

Прадед Виктор для меня – образец мужества, духоподъёмности, стойкости. Я верю, что благодаря таким, как он, наша страна выстояла в четырёхлетней кровопролитной бойне и в пятидесятых начала восстанавливать свою мощь. Существует гипотеза, что за каждым великим мужчиной стоит великая женщина. Не обязательно, чтобы, как говорил Женя Лукашин, она мелькала каждый день перед глазами. Иногда достаточно одного диалога, после которого мужчина вдруг окрыляется и становится способен подняться на жизненный Олимп. Мой прадед не был великим в классическом понимании этого слова, но все его поступки и достижения позволяют мне его считать таковым. И с женщиной ему повезло несказанно.

Прабабушка Лида была токарем до 1943-го. Не самая стандартная работа для женщины, но в СССР это было привычной ситуацией. Сидеть дома с каждодневным страхом смерти от авиаудара в определённый момент ей надоело. Воспользовавшись возможностью, на правах добровольца она вместе с маленьким сыном переселилась ближе к фронту. Помогала нашим войскам, чем могла: шила, готовила, перевязывала раненых. Попутно завела множество подруг, с которыми переписывалась вплоть до своей кончины. Не впала в уныние, потеряв мужа. А главное: в 35 лет начала новую жизнь, выйдя замуж и родив второго ребёнка.

Параллельно с воспитанием сына она работала на заводе, вот трудолюбивое было поколение. Трудолюбивое и радостное. Старший сын Лидии, Владимир, с детства был самостоятельным. Как и все дети войны, он очень быстро повзрослел и по характеру был скорее интровертом. Обычный деревенский пацан, не любивший городскую суету. Образования 5 классов, да и те знания, что удалось приобрести, были получены в лютых условиях. Читать-писать научили – и то хлеб. Руки рабочие, усидчивый, но не лидер по духу. То и дело помогал маме воспитывать брата, да отцу с работой. А когда пришло время, ушёл в армию и на долгие годы выбрал службу своим призванием.

Дед Вова служил и на суше, и на море, и на Севере, и на Юге. Где только не побывал до 30 лет. Относительно тихое время, размеренная жизнь. Своя стихия. В армии он много читал и учился, насколько это было возможно.

В пятидесятые солдаты с неоконченным средним образованием даже сдавали экзамены, чтобы вернуться домой если не готовыми специалистами, то хотя бы с какой-то образовательной базой. Самой проблемной дисциплиной для Владимира была математика. Особенно те задачи, в которых нужно было пользоваться правилом «взятия за единицу» (впоследствии он исхитрился придумывать подобные каверзы мне-шестикласснику, а потом даже сердился, когда я щёлкал их как семечки).

Именно тогда его любимыми авторами стали Сергей Есенин и Джек Лондон, а Михаила Зощенко он полюбил немного позже. Достоевского же просто ненавидел. Проникся чувствами

к футболу: раз 10 рассказывал мне, как видел живого Лобановского в бытность игроком. Один раз повидал знаменитость, а называл «гусём», как старого друга. И всё потому, что киевские болельщики, с которыми он сидел на стадионе, так прозвали своего нападающего за длинную шею.

Около десятка лет старший сын был далеко от дома. Тем временем маленький Боря уже начал ходить в зерноградскую школу. По первым порам всё было здорово: 4–5, порядочный, вежливый, инициативный. Тянулся к людям, в отличие от брата. За период младших классов – куча грамот и благодарностей. Мой прадед, майор в отставке, хорошо воспитал сына, прививая ему правильные ценности и приоритеты. Но одна любовь, которой загорелся мальчишка, стала для него губительной.

С детства Боря обожал автомобили. Всех марок, всех цветов. Был просто помешан на них. Как только ноги подросли и стали доставать до педалей, отец начал учить его водить. Только одно дело, когда рядом с тобой любящий родственник, который в критический момент выхватит из рук руль и нажмёт на тормоз, а другое, когда такого человека рядом нет. По возрасту юнцу ещё нельзя было садиться за баранку, но он связался с плохой компанией, где ему и погонять давали, и девочки вокруг него вились, и всё остальное, как это бывает в молодые годы.

Уже в пятом классе мальчик стал зависим от «ночной жизни», и родители никак не могли найти на него управу. Наверное, были слишком добрыми, не находили нужных слов. Глобальные изменения в распорядке Бориса ожидаемо сказались на школьных отметках. Из годовых оценок пропали разом все пятёрки, потом и четвёрки, а в седьмом классе даже троек осталось минимум. Получить «лебедя» на уроке – это не так ужасно. Исправить время есть, да и колы советские учителя раздавали куда активнее современных. Для некоторых и двойка была радостью. Однако когда у тебя 8 из 14 «неудовлетворительно» в итоговом табеле, это может означать только одно: остаёшься на второй год. Казалось бы, это дно. Но самое страшное было впереди.

Незаконченный восьмой класс и угроза остаться без среднего образования должны были стать для Бори поводом взяться за ум. Отцу всё больше становилось стыдно, что школе сын предпочёл кафе и вечеринки. Но летом 62-го, когда нужно было приложить максимум усилий для «подтягивания» знаний за упущенный учебный год, юноша появлялся дома всё реже. Хоть под домашний арест сажай – только и ждал, что подъедут «друзья» и заберут гулять.

Ночёвка где-то в гостях или под открытым небом стала для него нормой, и родители не сразу забили тревогу, когда мальчуган пропал на срок дольше обычного. Вышли в город навести справки у молодёжи и ахнули – оказывается, Борис в тюрьме. И ладно бы напился-подрался, но нет... Воровство, дело шьют. Только в этот момент к ним пришло понимание того, насколько всё плохо.

Несмотря на то, что отец уже тогда был уважаемым человеком, за злодеяния парень ответил по букве закона: провёл полтора года в колонии для несовершеннолетних. Должно было быть больше, но выпустили за хорошее поведение.

Время вне воли подействовало должным образом. Едва выйдя на свободу, возмужавший и по-прежнему любимый сын начал буквально падать на колени: «Папа, я изменился, не проклинай меня». Сразу были написаны заявления на восстановление в восьмой класс, а также на поступление в техникум, как запасной вариант (в те годы семи классов для этого было достаточно). Чтобы не лишать подростка увлечения, отец устроил его на машиноиспытательную станцию слесарем, на полставки. Ведь это постоянное взаимодействие с автомобилями, новые знания, возможность когда-нибудь прокатиться с ветерком. Ну а главное – кровинушка всегда под боком, а не где-то, непонятно где. Казалось, всё налаживается, но хватило Бориса ненадолго.

Ночной Зерноград ждал возвращения своего героя, и оно состоялось приблизительно через год после отсидки. Статус бывшего зэка придал парню нового шарма. В подобных компа-

ниях это очень ценилось. Борис окончательно бросил школу, забыл мечты о высшем образовании. На работе появлялся, но это были истории из рода «и смех и грех»: под луной нагуляется, а на утро приходит, ложится с инструментами под ЗИЛ и спит. Коллеги смеются, докладывают дяде Виктору, тот в гнев прибегает. Будит, отвешивает тумачков, орёт благим матом. И так из раза в раз. Брат Вова (то есть мой будущий дед), уже дембельнувшийся к тому времени, не собиравшись оставаться в посёлке на ПМЖ, а за время непродолжительных приездов в гости также никак не смог повлиять на Бориса. Появившиеся у родителей мысли наподобие «только бы снова не сел за колючую проволоку» имели все основания.

Трагедия случилась осенью 66-го года.

Компания молодёжи, где был и наш герой, отдыхала на главной улице посёлка. Денег не было, поэтому просто стояли и общались. Вдруг Боря увидел человека, выходящего из кафе. Это был один из местных академиков. Несложные логические размышления подсказали, что в сумке у него – зарплата для членов кафедры.

Когда мужичок остановился под деревом с целью пересчитать сумму, в голове у тунейдца созрел план. Борис попрощался с друзьями и незаметно пошёл по пятам жертвы. Наконец, перед входом в тёмный переулок, он нагнал учёного. На беду юного уркагана, человек из мира науки оказался крепким для своего телосложения – и не робкого десятка. Борьба, крикание, валяние по земле... Как вдруг в руках работника института блеснул нож. Припасённый специально для такой ситуации, он и решил исход драки.

Боре был нанесён всего один удар, но меткий. В брюшную полость. Никаких целей, кроме самозащиты, обороняющийся не преследовал, поэтому после нанесения тяжкого телесного он сразу начал звать на помощь, вызывать Скорую. В больнице нерадивого вора спасли. Восстановительный процесс должен был быть долгим, но после него всё равно светил тюремный срок.

Промочившая слезами все платки, Лида сидела у кровати больного 24 часа 7 дней в неделю, и на то был весомый повод, кроме материнской любви. Врачи строго-настроено запретили ему пить. При подобной травме последствия даже от обычного стакана воды были непредсказуемы. Чтобы не случилось обезвоживания, было позволено только смазывать мокрой тряпочкой губы. Несмотря на то, что сын кричал и требовал дать ему попить, все ёмкости от него тщательно прятались. По какой-то необъяснимой причине, в один из дней совпали три условия – кто-то оставил в палате кружку чая, Лида вышла в туалет, а Борис в этот момент проснулся и воспользовался шансом.

Дальше – воспаление, лихорадка, постоянная рвота. Пока прогрессивная молодёжь слушала битловский «Revolver» и поражалась тому, что англичане наконец выиграли чемпионат мира по футболу, Боря, который мог бы быть не худшим её представителем, медленно умирал на больничной койке. Разлитой гнойный перитонит. Его не стало 8 октября 1966 года. Парню было всего лишь 19 лет.

* * *

На момент потери сына Виктору было уже 59, а Лидии 54. Завести нового ребёнка здоровые, может быть, и позволяло, но вот воспитать – вряд ли. Люди, которые повидали все ужасы, какие можно, в преклонном возрасте получили от судьбы удар, который по воздействию оказался сильнее всех предыдущих.

Что делать? Зачем жить дальше? Есть ли смысл продолжать искать стимулы для существования, если один человек, для которого делалось всё, в сырой земле, а другой не рядом и в поддержке уже не нуждается?.. Благодаря званиям Героев Войны они получали хорошую пенсию, могли даже не работать. Однако деньги потеряли для них всякую ценность. Нет предположений, насколько тяжело им тогда было. Самое горькое в том, что они безумно любили детей. Это знали все знакомые. Если в чужих души не чаешь, что говорить о своих... Именно

благодаря этой любви и врождённому альтруизму им был предоставлен своеобразный второй шанс.

Хоть де-факто Лидия стала бабушкой только в 1971 году, и об этом событии я расскажу чуть позже, де-юре её так называли намного раньше. Баба Лида – приятная, отзывчивая, всегда с конфетой в кармане, чтоб кого-нибудь угостить при случае.

Друзья смекнули, что после выхода на пенсию ей просто нельзя оставаться в одиночестве. Так моя прабабушка получила неофициальную работу няни. Занятые на производстве люди без тени сомнения отдавали своих детей в добрые руки женщины, с которой некогда бок о бок на заводе работали их родители или они сами. Нужно в командировку или просто захотелось провести вечер без карапузов под ногами... Всем шли навстречу.

Муж Лидии, который всё ещё трудился среди машин и занимался научной деятельностью, не испытывал при виде чужих детей аналогичного энтузиазма. По всей видимости, годы не залатали дыру в его сердце. Так могло продолжаться и дальше, если бы не один особенный случай. В дом привели ребёнка с отклонениями в моторике. Учитывая неординарность ситуации, у бабы Лиды робко спросили: «Посидите?». Предложили хорошее вознаграждение, накрыли стол. На что услышали: «Да ну, что вы, какие деньги! Конечно, оставляйте».

Добро добром, но задача стояла не из простых. Девочка дошкольного возраста не могла ни ложку сама держать, ни за речью следить, ни побыть в спокойствии больше получаса. К концу первого же дня ухода у Лиды появились беспокойность и чувство бессилия. Годы уже не те, да и с проблемными детьми обычные уловки не всегда проходят. Возникли мысли извиниться и отказаться от таких проблем, но тут домой с работы вернулся Витя. Он увидел полный боли взгляд малютки, и внутри него что-то всколыхнулось. Возможно, впервые со дня смерти Бори. «Мать, ну что ты делаешь, а ну дай её мне».

Оказавшись в руках пахнущего бензином мужчины, девочка мгновенно затихла. Оторопев, баба Лида тоже замолчала. Будто на сеансе в кинотеатре, заняла место в первом ряду и наблюдала, лишь периодически отвлекаясь на команды «принеси» и «подай». Из подушек и одеял была сконструирована система, внутри которой малышка не роняла голову на бок (изначально главная проблема была именно в этом). Сразу исчезли слёзы, потом поддалась и ложка. Как прадеду удалось этого добиться – до сих пор загадка.

День закончился искренним детским смехом, ребёнок не хотел возвращаться к родителям. Когда двери захлопнулись, прозвучал короткий диалог. «Вить, а я ведь думала от неё отказаться» – «Не смей». В тот день девочка обрела второй дом. Очевидцы тех событий верили, что только благодаря своим новым «воспитателям» она смогла выздороветь и стать на ноги.

Пока мои предки нянчили чужих детей, у сына Володи всё шло своим чередом. Служил, пока не надоело. Получил образование, которое позволило выпорхнуть из домашнего гнезда. Уехал в областной центр, город Ростов-на-Дону, где устроился на престижный завод «Ростсельмаш». Это была примерно середина шестидесятых. С некоторыми промежутками, дед проработал там около тридцати лет. Не обладая организационными навыками, хорошей коммуникабельностью и не являясь максималистом, он всегда был доволен своей мелкой должностью. Тем не менее, на добровольно-принудительной основе его сделали акционером компании. Драгоценные бумаги 1993 года выпуска – ещё одна моя удивительная находка. Интересно, стоят ли они сейчас хоть что-нибудь? Письма, в которых деда приглашают на деловые встречи, приходят до сих пор, примерно раз в полтора года, в огромных конвертах.

Про трудовые будни рассказов было немного. Работа у деда была однообразная, шумные компании он не любил, друзей не имел. Главным, чем он гордился из своей ростовской жизни, стало посещение концерта Пугачёвой. Цены на билет были бешеные, но как иначе? Такая звезда в провинции. Пришлось раскошелиться. То ли от завышенных ожиданий, то ли от отсутствия музыкального вкуса, выступление Аллы Борисовны было раскритиковано. «Ценник такой задрала, а на деле – обычная певичка!» – удивлённо повторял Володя спустя годы.

Совершенно другое впечатление оставил болгарский певец Эмил Димитров, пользовавшийся в СССР особой популярностью. Не уточнял, в Ростов ли приезжал артист, или дед ходил на него в рамках одной из своих многочисленных командировок. Ох, с какой же любовью он вспоминал тот день. Легко можно было менять настроение или даже шантажировать: от одного упоминания фамилии болгарина у бабушки слезились глаза. Чувствую, без романтической подоплёки там не обошлось. Музыка же точно была отличной, это факт. Когда дома появился нормальный Интернет, песня Димитрова под названием «Наш сигнал» (исполнялась на разных языках, в том числе на русском) была заказана на скачивание первой. Уже потом Кузьмин, Марк Бернес, «Ласковый май»... Ну и Пугачёва, как без неё.

Ещё меньше, чем о концерте Примадонны, дед любил вспоминать о своём первом браке. Да я больше скажу – если б не официальные документы, подтверждающие, что Владимир Викторович два раза ходил под венец, в это сложно бы было поверить. Посудите сами – интроверт, постоянно занятый на работе и очень редко выходящий из дома по вечерам и выходным. Невозможно себе представить ситуацию, что он просто кому-то проспорил и потому решил жениться, но со стороны это выглядит именно так. Продлилось «счастье» молодожёнов меньше года. По нашим временам смешная цифра, не говоря уже о советских. Ни имени, ни последующей судьбы той женщины я не знаю, он не поддерживал с ней отношения.

На момент развода нашему герою уже перевалило за 30. Решительности при общении со слабым полом по-прежнему не добавлялось. Обеспеченный, вполне симпатичный, непьющий, добрый и умный человек ждал ту, что сама всё возьмёт в свои руки. Поцелует, приголубит, может, даже сама сделает предложение. Удивительно, но такая женщина нашлась.

Моя бабушка, Анна Кондратьевна, была инициативным человеком. Узнав от знакомых историю Володи, она разными способами пыталась втереться к нему в доверие: приходила на работу, угощала приготовленной своими руками едой, звала на свидания. Это не была любовь с первого взгляда, по крайней мере, со стороны представителя сильного пола. Деду понадобилось много времени, чтобы понять, насколько донская красавица заинтересована в нём как в мужчине, а не просто друге. Вроде умный, а дурак-дураком.

Когда осознание пришло, им обоим снесло голову. Тут же свадьба, медовый месяц, все дела. Бабушка разглядела в Володе что-то такое, чего не смог увидеть никто. И после знакомства с ней он стал другим человеком, куда более коммуникабельным и весёлым. Так что конец шестидесятых – начало семидесятых – это самое романтическое время во всей истории моей семьи.

В 1971 году родилась моя мама, Наталья. Романтика потихоньку стала улетучиваться. Утяжелённая бессонными ночами и вонючими пелёнками, система начала давать сбой. Что удивительно, у деда по-прежнему в сердце жила любовь и к дочке, и к жене, а вот об Анне сказать того же было нельзя. Ради ребёнка супруги шли на компромиссы, пытались создать хотя бы видимость хорошей семьи. При этом с каждым годом надлом в отношениях и чувство исчезающей любви ощущались всё явственнее. 10 февраля 1980 года, за 2 дня до маминого девятого Дня рождения, официально был оформлен развод. Владимир уехал к родителям в Зерноград, а мама с бабушкой остались в Ростове. Несмотря на то, что деду тогда уже было далеко за 40, женщины толпой за ним увивались, не видев обручального кольца на пальце. Всем сводникам и девицам он отвечал одно и то же: «Нет, у меня уже есть семья». До конца жизни он любил только свою Анечку, не воспринимая всерьёз никого другого. Развод не смог потушить огонь в его душе.

Возвращение в глухомань было вызвано не только душевной травмой, но и более банальными причинами. К началу восьмидесятых отец Владимира, мой прадед Виктор, начал сдавать. Перестал работать, набрал в весе, стал даже немного выпивать. Малоподвижный образ жизни и ожирение быстро сказались на его здоровье. Врачи поставили диагноз: атеросклероз сосудов головного мозга. Болезнь опасная и для молодых людей, что говорить о пожилых. Летом

1982-го, на семьдесят втором году жизни, Виктор Иванович нас покинул. Он был абсолютным героем для всех, кто его знал.

Прогоняя в голове этапы жизни прадеда, которые мне известны, без тени сомнения делаю вывод: это был очень достойный жизненный путь. Проявил себя и на войне, и в мирное время. Любил и был любим. Оставил наследника, пусть и не кровного. Боролся за хорошее будущее родных и близких. Лишь смерть сына была зарубкой на его сердце, поскольку он всегда считал себя главным виновным в ней. Таким человеком нельзя не гордиться. Иной сломался бы от процента той боли, что выпала на душу прадедушке.

Хотя, если честно, я не знаю точно, были ли у Виктора ещё дети. Его могилка всегда была ухожена без нашего с дедом вмешательства. У него были родственники кроме нашей семьи, это факт. Но мы с ними никогда тесно не общались. Встречу на улице – не узнаю, не поздороваюсь.

Какое-то время Владимир пожил с мамой, работал водителем. Дарственная на пользование машиной – ещё одна удивительная находка для человека из XXI века. Кто-то из коллег прадеда помог. Конечно, документы подобного рода и сейчас в ходу, но там важно оформление. Огромное число подписей и дат. Полностью оправившись после развода и смерти отца, дед вновь задумался о работе на «Ростсельмаше» – звонки оттуда не прекращались. Лидия Петровна попрощалась с сыном ещё на несколько лет. Она по-прежнему ухаживала за чужими детьми, поэтому в одиночестве бывала редко. Днём нянчится с малышкой, вечером с бабушками на скамеечке кости перемыкает. Всё как положено.

Я общался с её подругами тех лет – ни от кого не слышал о ней дурного слова или какого-то неоднозначного воспоминания. Она единственная из моих родственников с приставкой «пра-», кого я видел вживую. Только у меня было мало шансов запомнить те немногочисленные мгновения. Хорошо, что осталась одна наша совместная фотография. Любимая всеми баба Лида скончалась летом 1994 года, на семьдесят первом году жизни. Причина практически та же, что и у мужа – церебральный атеросклероз.

Со смертью прабабушки я немного забежал вперёд по времени. Вернёмся назад и кротко взглянем на конец восьмидесятых. Тогда произошли главные события, благодаря которым моё появление на свет стало возможным.

Моя мама, Наталья Владимировна, в школе училась не ахти как, но имела способности в рисовании и вышивании, а также была очень активной во всякого рода самодеятельности. Унаследовала таланты от бабушки. В числе прочего, при разборе хлама мне попалась самодельная афиша, сделанная маминими руками. Чудом сохранилась. В ней четыре девчонки приглашают родителей и всех желающих на творческий вечер, где будут хвастаться своими картинами (а может, даже продавать их за символические пару эскимо) и читать стихи. Наташа должна была выступать с «Вересковым мёдом» Роберта Стивенсона, это был её любимый. Каждый раз, читая его повзрослевшим, я с трудом сдерживаю слёзы. И само произведение выдающееся, и воспоминания о том, как мне проговаривал его самый дорогой человек, очень дороги. Возможно, в детстве она мечтала о творческой работе, все предпосылки для того были. Жизнь же рассудила иначе.

Мой папа, Владимир Иосифович, родился в 1965-ом, и к концу восьмидесятых был гордостью своих родителей. Во-первых, хорошо учился, вроде даже окончил школу с медалью. Во-вторых, отслужил в армии. Вернулся оттуда с почестями. Когда я маленьким приезжал в деревню к бабушке с дедушкой, у них в зале висели три огромных фотографии сыновей. Батя на своей был в военной форме, с фуражкой на голове. Это ли не показатель? Два других сына – в штатском. Не уверен, что они были из служивых. Наконец, в-третьих, он вёл здоровый образ жизни: занимался спортом, плавал, подтягивался раз 40. Завидный жених.

С мамой они познакомились на свадьбе общих знакомых. Прилагалась ли к встрече какая-то романтическая история? Вряд ли, хотя точно утверждать не могу. Однако влюбились они очень быстро. Стали одержимы друг другом и пришли к выводу, что надо жениться. Надели кольца на пальцы в 1989-ом, а ещё через год, когда маме было всего лишь 19 лет, родился я. Мечты и стремления родителей потребовали пересмотра. С натяжкой мне можно примерять на себя статус, провозглашённый знаменитой песней Юрия Шевчука «Рождённый в СССР», однако уже на момент моего явления свету старуха с косой недоброжелательно поглядывала на Союз. Когда страны не стало, переоценки потребовали многие ценности уже для жителей всего нового государства.

В 1993-ем, когда прабабушка уже очень сильно хворала, дед уволился с «Ростсельмаша» и вернулся в Зерноград ухаживать за ней. После похорон остался жить в посёлке, до выхода на пенсию работал охранником. Мы же в составе: бабушка Аня (мамина мама), её гражданский муж Саша, мама, папа и я – обосновались в Ростове-на-Дону, в частном доме. Пять комнат, два туалета, две кухни, гараж, два огорода, большой двор.

Нет предположений, когда всё начало выходить из-под контроля и какое масштабное событие тому поспособствовало в большей степени. Суть в том, что, согласно моим воспоминаниям, в нашей семье неофициально был прописан Алкоголь, и любили его всегда больше меня.

Показательной будет история из моего младенчества, которую рассказала крёстная. Как-то раз она заглянула к нам в гости. Всё нараспашку, заходи – не хочу. На стуки в дверь никто не отвечает. Не постеснялась, вошла. Перед глазами картина: в комнатах валяются пьяные люди, по столу с объедками бегают домашние животные, а я в люльке что есть мочи ору. Оставлять меня в атмосфере жгучего амбре было бы преступлением, и тётя Таня забрала меня к себе домой. Искупала, покормила. Ждёт день, другой. Никто не приходит. На третий заявляется мама с огромными мешками под глазами: «Подруга, Лёшу УКРАЛИ!!! Вова с ним в коляске в магазин стоял, не успел отвернуться, а его вытянул кто-то!». Где-то на середине этого восхитительного рассказа, который бы и Чехов одобрил, в комнату под пробивающийся смех крёстной вбежала её дочь. «Ой, тётя Наташ, вы за сыном пришли? Он у меня в спальне».

Глава 2

Поправили макияж и укладку

*Because we need each other
We believe in one another
And I know we're going to uncover
What's sleepin' in our soul*

Я удивился, когда узнал, что есть люди, которые уже в 2–3 года входят в динамичную жизненную фазу – то есть начинают запоминать происходящее, формируются как личности, быстро учатся, активно общаются с родственниками и одноклассниками. Я отчётливо осознаю себя с пяти лет и почему-то думал, что так у всех. А всё, что помню о себе до того возраста, – это лишь обрывочные эпизоды, которые долгое время представлялись мне просто реалистичным сном, пока не выяснилось, что всё происходило на самом деле. У меня таких всего четыре, включая тот, от которого в воспоминаниях осело только чувство непереносимой боли. Если обозначить каждый отдельным названием, выйдет так: «Петушка», «потеря», «зайчик», «падение». Здесь нет хронологической последовательности, но есть логическая.

Моей любимой игрушкой в детстве был маленький плюшевый петух. Выговаривать слово «Петушка», с правильным ударением на второй слог, я научился сразу после «мама» и «папа». Хотя, наверное, выходило что-то наподобие «питуська». Я проводил с Петушкой всё своё время, и другие принадлежности для досуга мне были не нужны. Да и кто бы мне их предоставил во времена, когда голодало полстраны.

В один из дней, когда я был предоставлен сам себе (а таких было большинство), мне захотелось прогуляться с единственным другом по дому. Для исследования территории была избрана самая длинная из комнат (метров 10 или около того), казавшаяся мне в те годы просто бесконечной. Ходить я тогда уже умел, но не слишком виртуозно. Периодически присаживался на пятую точку передохнуть. Всё же, шаг за шагом, я завершал этот спринт. Но когда я только собрался сформулировать своим пока ещё не совсем развитым мозгом мысль «Петушка, мы сделали это!», как случился сюрприз. Поэтому и запомнился не сам факт «похода» от одного дверного проёма до другого.

Мебель в комнате была установлена так, что шифоньер прилегал к стене, которая служила символом моей финишной черты. Между ними был промежуток шириной в человеческий корпус. Там скапливалась пыль, а ещё там было идеальное пристанище для нашего кота. Когда я проходил мимо, грязный уголок стал объектом моего внимания. Там лежал наш Рыжик, да не просто лежал, а красовался перед случайными зрителями «уловом». Четвероногий слепил подобие натюрморта из мышей, выложенных в форме вопросительного знака. На мой звонкий смех и зов, чтобы все посмотрели на сие чудо, никто не отозвался. Рассказывал через несколько лет – тоже не верили. Пока в один из дней рыжий проказник не повторил тот финт.

Мозаика из грызунов – это ярко, но второе воспоминание я помню ещё чётче. Это был промозглый будний день. На улице только и делай, что считай оттенки серого. За окном дождь и гроза, солнце едва пробивается из-за облаков. В одной из комнат у нас никогда не было света из-за проблем с проводкой, и всегда были закрыты ставни. Во всём доме было электричество, а в этой части темень 24/7.

Когда я стал чуть взрослее, меня туда не пускали, ведь комната была отведена для плотских утех – не только моих родителей, но и всех, кто приходил в гости и желал уединиться. По какой-то причине, в тот самый день, 2 марта 1995 года, я проснулся в этой крошечной мгле

вместе с мамой. Только мы начали обсуждать, чем займёмся сегодня, как забегают бабушка с криком: «Наташа, Влада Листьева убили!». Раньше я слышал глагол «убили» только применительно к тараканам и мышам. Но не к людям. До конца не понимая смысла слова «убить», я смотрел на своих плачущих родственников и не мог уразуметь происходящего. Листьев не был членом нашей семьи, так откуда столько эмоций?.. Тогда меня впервые в жизни охватил страх. Его ощущение только усилилось после включения телевизора: на доброй половине каналов значилась надпись «Владислав Листьев убит». И тишина. Могу ошибаться, но подобного не было в истории нашего телевидения – ни до, ни после. В день, когда ублюдки застрелили прославленного журналиста, человеческая смерть обрела для меня образ. Последующие полгода прошли как в тумане. То событие выбило меня из колеи.

Примерно двумя годами раньше разум зафиксировал самое приятное из моих первых воспоминаний. Оно связано с одним очень хорошим человеком. Но сначала – немного предыстории.

Дед Саша, который повстречал бабушку Аню уже после её развода с Володей, был мировым человеком. Примерно таким же, как прабабушка Лида. Со всеми умел найти общий язык. Постоянно шутил, улыбался – был настоящим рубаха-парнем. На фотографиях со свадьбы моих родителей он уже присутствует, а значит, появился в нашей семье ещё до моего рождения.

Меня дед Саша обожал. Был у него один приём, который работал безотказно, а потому был повторен не единожды. Принесёт с собой кучу всяких сладостей и даёт мне по одной, приговаривая: «Это тебе от зайчика»... «от белочки»... «от лисички». Я безумно радовался, что добрым лесным зверям есть до меня какое-то дело, хотя не до конца в это верил. Но доказательства у хитреца были неопровержимые – любитель поохотиться, он вместе с мясом приносил в дом, например, волчью шкуру, натянутую на лист фанеры или картона. Так можно было понять, что дед правда был в лесу и виделся со всеми, кто «передавал» мне угощения.

В перечислении памятных мгновений шоколадки из леса идут после Влада Листьева по трагической причине. Смерть, которая, несмотря на новости о гибели журналиста, всё ещё оставалась далёким от меня понятием, внезапно появилась слишком близко. Когда мне было уже шесть, и я начал более-менее запоминать происходящее, деда Саши не стало. Он умер безболезненно, во сне, от остановки сердца. Те вкусы и то, как его тело выносили сквозь специально выбитое окно (до сих пор не понимаю, почему не через двери), – два моих крохотных воспоминания о ещё одном большом человеке.

Завершает логическую цепочку событий пяти первых лет моей жизни инцидент, который мог закончить вообще всё. Когда я учился в школе, была распространённой одна шутка – в ответ на феерическую тупость собеседника принято было спрашивать у него: «Тебя в детстве случайно не роняли?». Меня так не подкалывали, ведь я всегда был сообразительным малым. Но если бы всё-таки подкололи – я бы со всей честностью ответил утвердительно.

Однажды, когда мне было года 2–3, то ли в рамках игры, то ли во время каких-то других обычных бытовых действий батяня уронил меня с высоты своего почти двухметрового роста вниз головой. Кровь, крики, испуг, Скорая... Говорят, при рождении каждый младенец испытывает сильнейшую боль, а вот следующее воспоминание об этом чувстве у всех разное – в силу различий жизненного опыта. Моё было мощным. Врачи тогда спасли мне жизнь, но предупредили, что лучше бы после такого пройти психологическое обследование и всё тщательно проверить: не нарушена ли моторика, реакция, рефлекс. Родители отказались – понадеялись на авось, как и всегда. А мне тогда сильно повезло, потому что вырос я вполне нормальным человеком. Из отклонений – только отвратительный смех. Спустя годы отец в полушутку мне заявлял, что я так ужасно смеюсь именно из-за того падения.

* * *

С осени 95-го события начали откладываться в моей памяти более плотным образом.

Ощущая дома переизбыток негатива, я возжелал, чтобы меня приютила улица. Моё самочувствие редко кого заботило, и этим надо было пользоваться. Будучи предоставленным сам себе, я постоянно сбегал. С ранних лет обзавёлся статусом вечного беспризорника. Друзья и новые увлечения – всё, что мне было нужно тогда. С первым были определённые проблемы, от меня не зависящие. Я не понимал, что мои родители – конченные люди. А ребята постарше оскорбляли и их, и меня. Приходилось драться и получать по морде, поскольку по комплекции я уступал практически всем.

С главным же пристрастием определились быстро. Неподальёку от моего дома располагалась миниатюрная площадка с подобием травяного покрова. Рядом с ней, на пересечении моей улицы и той, на которой размещалась в километре школа, жил человек по имени Гоша. Он был намного старше и вдруг увидел во мне потенциал, начав обучать футбольному мастерству: какой частью стопы правильно отдавать пас, какой бить, как закручивать мяч... Как только появились какие-то минимальные успехи, образовался «спортивный» распорядок дня. Пункт первый – проснуться, найти что-то съестное, запихнуть в себя. Пункт второй – под любым предлогом смыться на свежий воздух. Пункт третий – дожидаться Гошу и внимать каждому его слову. Или же втереться в доверие к малознакомым ребятам и постоять хотя бы на воротах. Своего-то мяча у меня тогда не было. Пункт четвёртый – вернуться домой, найти что-то съестное, запихнуть в себя. Пункт пятый – удивитесь – поспать, поскольку пункт четвёртый обычно заканчивался глубоко затемно. Даже самая отвратительная погода не могла убить во мне желания играть в футбол и любовь к этому виду спорта. Надо ли говорить, что я до сих пор преданный фанат этой игры.

Футбольной площадке, которой обычно служила расчерченная земля с парой деревьев по бокам (перекладину собственноручно прибавляли из срубленного дерева), всегда были альтернативы.

Мы жили в привлекательной местности, эдаком природном уголке мегаполиса. В пяти минутах ходьбы от моего дома был пруд. Относительно чистый, большой. Летом люди в нём купались, зимой – каток. Рядом с прудом – высокая горка. Друзья часто получали увечья, когда скатывались с неё на сумасшедших скоростях. Также была средних размеров роща и пара заброшенных зданий, в которых можно было играть. Чуть дальше, за рощей – настоящий стадион. Ворота тогда казались просто огромными для нас, мелюзги, поэтому туда мы ходили редко. Впрочем, любым увлечениям я всегда предпочитал футбольный мяч. Хоть весной, хоть зимой. Два моих лучших друга, Дима и Сергей, разделяли эти чувства. Постепенно начали интересоваться клубами и сборными, турнирами. Обменивались карточками, наклейками, плакатами. Один бум сменялся другим. Чуть позже нам стал люб ещё и рестлинг, но к нему интерес с годами упал до нуля.

Все местные природные достопримечательности принадлежали каждому, как оно и должно быть. Этого же нельзя было сказать о пространствах улиц нашего района. Я обитал на сквозной, которая пролегла через несколько километров, и пройти её от начала до конца было непросто. Какой только сброд на ней не жил. Более всего запомнились бесчисленные лица кавказской наружности и продавцы дешёвого палёного алкоголя. Это был самый ходовой товар в то время. Перпендикулярно же моей улице располагались добрых два десятка других, и на каждой была «своя атмосфера». Молодые ребята собирались в группы, где каждый был друг другу как брат. Дело не только в том, что мы играли в футбол улица на улицу или дрались стенка на стенку. На чужой закуток без связей лучше было не ступать, особенно ночью. Избывали даже сыновей богатых родителей, просто потому, что ты «зашёл не на тот район». Потом

разбирались, иногда даже милицию вызывали. Но концов не сыщешь, и всех не посадишь. Криминальные разборки в девяностых, таким образом, немного зацепили и меня. Трупов не видел, но вот крови посмотрелся на две жизни вперёд.

Правило не появляться в незнакомых местах одному было мне известно благодаря куче страшных историй, рассказанных друзьями. Но один раз наказания избежать не удалось. Дома царил атмосфера прокрастинации и бесшумной злобы. Отправленный за «Примой», я был настроен не выводить отца ещё сильнее. Идти нужно было быстро, минут 20 на дорогу. На обратном пути мне захотелось по-маленькому. В итоге идея срезать маршрут через «чужую» улицу показалась адекватной. Иду, размахивая огромным сумарём с маленькой пачкой сигарет внутри (что за привычка у меня тогда была, всё в сумке носить), как перед глазами, метрах в пятидесяти, образуется человек семь. Не замечаю ни единого знакомого лица, и большинство – ребята постарше. Каждый смотрит на меня взглядом стервятника с фотографии Кевина Картера. Инстинкт самосохранения подсказывает бежать назад, но это увеличит мой поход на расстояние громадного крюка. К тому же, есть шансы, что догонят, а раз трус – отхвачу по первое число. Замедляю шаг и начинаю думать, как увильнуть, чтобы получить наименьший урон. Когда дистанция сокращается, пытаюсь отвлечь толпу каким-то несурзным вопросом, а сам реактивно перемещаюсь на другую сторону дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.